

Два условия памяти

Память означает изначально вовсе не способность запоминать, память – это целое духа в смысле постоянной внутренней собранности. Никакой памяти, независимой от моих специфических усилий, нет. Мы ничего не помним, если понимать память как склад, механическую совокупность событий, знаний, открытых истин, которые лежат, подобно картофелинам в мешке, и ждут, когда то или иное событие осветит их, вызовет к жизни. Память виртуальна и только через мое участие, через усилия моего воображения может стать актуальной. Память – это совокупность переживаний, когда наша мысль, наша фантазия воссоздает полный смысл случившегося, делает их «чистыми», являет его «в блеске и истине», которых на самом деле не было.

Ключевые слова: память, виртуальность и актуальность, забвение, переживание, любовь, непостижимое воспоминание, остановленное мгновение, дух.

Человек – существо виртуальное, поскольку он никогда не реализуется полностью, поскольку его существование никогда не совпадает с сущностью, поскольку он действует в настоящем, а существует в прошлом. Это же относится к его памяти – ее нет в том смысле, в каком есть любая существующая вещь, и в то же время она *есть* в подлинном смысле этого слова, она проявление духа в нас. Истинной бытийностью, онтологией обладает только дух. Если дух – это некая реальность, то именно здесь, по мнению Бергсона, в явлениях памяти, мы сможем его коснуться экспериментально. Ни одно животное не обладает памятью такого рода, и это наше главное отличие от остальных живых существ. Тупой, совершенно не развитый ни интеллектуально, ни эмоционально человек, которого даже человеком назвать трудно, тем не менее недостижимо велик в сравнении с высшими, яркими представителями животного мира, поскольку он имеет память и в силу этого является

духовным существом. Память – величайший подарок богов человеку, только она делает возможным мышление, воображение, язык. Память – мать муз, считалась главным источником, началом всех искусств. Из чрева Мнемозины вышли поэзия, драма, танец, наука о прошлом – история, наука о небе – астрономия. Именно Мнемозина считалась всезнающей богиней, связующей земное и небесное, ведающей прошлым, настоящим и будущим, аллегорией исконного первоисточника жизни и творчества¹. Память – это совокупность таких переживаний, когда наше сознание воссоздает полный смысл случившегося, делает их яркими, объемными, расцвеченными, живыми, наполняющими нас чистой радостью или невыносимым горем.

Вспомнутое гораздо важнее, чем переживаемое в настоящий момент. По-моему, главная задача и литературы и философии – вернуть прошлое, оживить его, растопить его застывшие очертания, пережить снова, воскресить. Потому что только прошлое и есть, потому что настоящее еще не есть, оно совершается, оно не закончено, Бог знает, что еще может случиться. А прошлое уже не изменится, оно есть и не может быть другим. Нужно не просто вспомнить совокупность фактов из прошлой жизни, а что-то из виртуального сделать реальным. То есть, погружаясь в прошлое, мы начинаем жить подлинной жизнью. А настоящее – это еще не жизнь, вернее, это жизнь не пережитая, не осмысленная. Еще не было времени осмысливать и переживать. Только воскресшее, восстановленное силой воображения является истинным. Иначе оно просто нависает над нами огромной тенью и постоянно увеличивается, закрывая все возможные горизонты.

Все надо воскрешать. Воссоздавать заново. Ничего не длится автоматически, все забывается. Если мы не пытаемся воскресить, восстановить наше прошлое, то мы мертвы. Воскресение – это возвращение живого прошлого. Помнить – значит быть живым.

Далее мы хотели бы рассмотреть два условия функционирования памяти, учитывая которые мы можем лучше понять ее природу.

Я помню всё

Мы должны жить и думать так, как если бы мы помнили всё. И не только то, что мы пережили в своей жизни, но даже и то, что в рамки нашей жизни не вошло. Иногда, в особом состоянии духа, нам кажется, что еще минута, и мы вспомним самое важное, то, что составляет существо всей нашей жизни: кто мы такие, откуда при-

шли, почему страдания составляют большую часть нашей жизни, в чем смысл нашего существования. К. Ясперс пишет о том, что человек как экзистенция живет в сознании «непостижимого воспоминания», как будто он ведает о творении, или может вспомнить, что он созерцал до бытия мира². Разумеется, ничего «самого важного» вспомнить в конкретном образе нельзя, но попытка удержаться в «сознании непостижимого воспоминания» создает внутренний строй души, которой доступны свобода и творчество. Как будто вся смысловая конфигурация мира замыкается на мне, не будь меня, хотя бы потенциально, и в этом месте цепь прервется и в место разрыва ринется пустота и бессмысленность. Если я не буду помнить, то все будет забыто. Я своей памятью в каком-то смысле спасаю мир. Спасаю от проклятия неизбежного забвения. Я должен все помнить, и я помню, вспоминаю и вспоминаю, пока хватает сил. И возможно, в этом мое главное предназначение. Как и каждого человека.

Помнить все, уметь восстанавливать все прошлые переживания – важнейший, может быть, самый главный момент творчества. Марсель Пруст писал:

А можно ли считать воспоминанием то, что нельзя восстановить в памяти? Допустим, мы не можем вызвать в памяти события за последние тридцать лет, но ведь они все равно омывают нас со всех сторон; зачем же тогда останавливаться на тридцати годах, почему не продлить минувшую жизнь до того времени, когда нас еще не было на свете? Раз от меня скрыто множество воспоминаний о том, что было до меня, раз я их не вижу, раз я не могу к ним воззвать, то кто мне докажет, что в этой «тьме тем», остающейся для меня загадкой, нет таких воспоминаний, которые находятся далеко за пределами моей жизни в образе человека?³

Можно долго рассуждать о невозможности такой памяти у человека, приводя рациональные аргументы, но для творца это постулат, это как бы нравственный императив: я должен жить так, как будто я все помню. Без этого я не мог бы писать, не мог бы чувствовать, не мог бы остановить мгновение и увидеть воплощенные в нем прошлые времена. Все мое творчество было бы без такой памяти выдумкой, мои слова не звучали бы достоверно и искренне. Это не просто память о случившихся событиях или состоявшихся переживаниях, это память как вечно длящееся состояние. Я был всегда, если не актуально, то виртуально, иначе жизнь моя была бы крошечным отрезком, мгновением, за которое ничего нельзя ни почувствовать, ни осмыслить. Без этой памяти невозможно

оценить значимость и бездонную глубину любого предмета, любого чувства, загадочность и неисчерпаемость мира, а жизнь представлялась бы бесконечной тягомотиной похожих друг на друга дней, изредка скрашиваемой мелкими радостями. Каждый человек, обладающий такой памятью, является поэтом, хотя он может и не создавать никаких произведений. Каждый такой человек – это прорыв в устойчивом, необходимом, фундаментально обоснованном, расколдованном мире.

...что это за люди? Те, которых называют поэтами, художниками? Чем они должны обладать? Способностью особенно сильно чувствовать не только свое время, но и чужое, прошлое, не только свою страну, свое племя, но и другие, чужие, не только самого себя, но и прочих, – то есть, как принято говорить, способностью перевоплощения и, кроме того, особенно живой и особенно образной (чувственной) Памятью. А для того, чтобы быть одним из таких людей, надо быть особью, прошедшей в цепи своих предков очень долгий путь существований и вдруг явившей в себе особенно полный образ своего дикого пращура со всей свежестью его ощущений, со всей образностью его мышления и с его огромной подсознательностью, а вместе с тем особью, безмерно обогащенной за свой долгий путь и уже с огромной сознательностью⁴.

В такого рода «полной памяти», т. е. памяти обо всем, нет прошлого, как отдельного недавно или давно окончившегося периода. Прошлое есть сейчас, оно заполняет все пустоты и разрывы в настоящем восприятии (а последнее всегда разорвано на отдельные мгновения) и обеспечивает глубину и насыщенность являющегося мира⁵.

Если человек не помнит все, то он не вспомнит ничего конкретного, он вообще не может помнить. Человеческая память есть нечто среднее между памятью вообще и памятью конкретной о чем-то определенном, или, скорее, между *помнить всё* и *не помнить ничего*. Помнить все – это некоторым образом пытаться объяснить парадокс Сократа–Платона: «Чтобы нечто узнать, надо его уже знать». Чтобы что-нибудь вспомнить, я должен уже это помнить.

Вероятно, корни этого сверх-сознания, сверх-памяти находятся в религиозной метафизике, в том смысле, что всякая религия и есть метафизика: религиозное переживание – это «ощущение целого», «переживание бесконечности», страх и трепет встречи с Абсолютом. Если я не силюсь помнить все, находиться в «полной памяти», то совершаю грех, забываю (выхожу за бытие), лишаюсь

актуального напряженного существования, при котором только и можно держаться в состоянии веры.

И это дилемма: с одной стороны, память вечная, которую обещает человеку религия, а с другой – тот факт, что все неизбежно будет забыто. Конечно, великих людей помнят долго, иногда очень долго, по крайней мере, до тех пор, пока не погаснет Солнце и не прекратится земная жизнь. Других забывают через несколько десятков лет, когда умирают последние родственники. Может быть, моя главная цель прожить как можно дольше, вспоминая и тем продлевая существование моих умерших близких. Может быть, в этом заключается главная цель всех людей. Спасая умерших от забвения, они спасаются и сами.

Но если мы не помним тех, кто были до нас, не помним «всё», то пользуемся только рудиментами памяти, выпали из цепи поколений, не помним родства. И наоборот, стремление помнить все, чувствовать, что прошлое никуда не исчезает, а продолжает присутствовать сегодня, преобразует, одухотворяет жизнь. Так чувствует чеховский студент:

Прошное, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой. ...Думал о том, что правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле...⁶

С точки зрения здравого смысла все помнить невозможно, слишком много событий происходит в любой человеческой жизни. Бывают люди с такими странностями психики, которые помнят все: какая была погода четвертого сентября 1996 г., или какого цвета платье было на жене премьер-министра при посещении ими Большой оперы в позапрошлом году. Известен рассказ Хорхе Луиса Борхеса «Память длиною в жизнь: история Фунеса, человека, который помнил все». Некий юноша Фунес, после падения с лошади и травмы головы, обрел удивительные способности к запоминанию. Он не забывал ничего из того, что видел или слышал. Такая обретенная способность, с одной стороны, радовала его, он легко мог выучить несколько языков, а с другой – тяготила. Он считал свою память «сточной канавой».

...Фунес видел все лозы, листья и ягоды на виноградном кусте. Он знал формы южных облаков на рассвете тридцатого апреля тысяча

восемьсот восемьдесят второго года и мог мысленно сравнить их с прожилками на книжных листах из испанской бумажной массы, на которые взглянул один раз, и с узором пены под веслом на Рио-Негро в канун сражения под Кебрачо. Воспоминания эти были непростыми – каждый зрительный образ сопровождался ощущениями: мускульными, тепловыми и т. п. Он мог восстановить все свои сны, все дремотные видения.

<...>

В действительности Фунес помнил не только каждый лист на каждом дереве в каждом лесу, но помнил также каждый раз, когда он этот лист видел или вообразил⁷.

Неспособность к забвению делает подобную память избыточной, она тяжелым грузом лежит на человеке, предопределяет все его поступки и мысли, превращая сознательную жизнь в хаос. Этот хаос часто принимается за особую одухотворенность, некую чрезвычайную развитую духовность. Часто похожим образом очень образованные люди обладают огромными знаниями, но мало что могут сделать в творческом плане.

Но к воспоминаниям относятся не любые события прошлого, случившиеся со мной, а переживания, которые воссоздают полный смысл случившегося, которые восстанавливают прошлое в его живой целостности. Только такая память делает нас живыми, мыслящими и чувствующими людьми.

Я ничего не помню

Память – не только способность помнить. Это еще и способность забывать. Забвение дано нам в трех разновидностях.

1. Когда нам хочется обязательно что-то забыть, поскольку этот случай или событие лежит тяжелым грузом на нашей душе, мы постоянно помним о нем и это превращает нашу жизнь в ад. Или нам стыдно за то, что случилось по нашей вине, или наши переживания столь тяжелы, что лучше стереть их из памяти. Невозможно постоянно жить в мире, который волнует, обжигает, ужасает. Иногда память нужно убить, иначе она убьет тебя.

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.
(А. Ахматова)

Нам постоянно нужно что-то забывать: вычистить из памяти тот мусор, которым нас каждый день потчуют государственные и частные СМИ, всевозможные партийные фюреры, бойкая, навязчивая реклама и т. д. Если от всего этого не избавляться, то мы вскоре будем подобны юноше Фунесу. Единственное, что утешает – воспоминания нам не принадлежат, хотя – приходят, а можно неделю вспоминать «лошадиную фамилию» и так и не вспомнить. Но забвение чаще всего в нашей власти. «Запомни меня!» – кричит все, что связано с метафизическими переживаниями, что меня глубоко затронуло, взволновало. На всем остальном будто написано: «Забудь меня! Это тебя не касается! Взгляни – и мимо». И основная масса сведений и случаев быстро забывается. «В будущие дни все будет забыто, – говорил Экклезиаст. – Нет памяти о прежних людях. И любовь их, и ненависть, и ревность давно исчезли, и уже нет им участия ни в чем, что делается под солнцем». Печально, правда, в этих рассуждениях то, что они относятся и ко мне.

2. Когда очень многое хотелось бы удержать в памяти, но не получается. Тонут во тьме прошлого месяцы и годы жизни, и иногда, глядя на неожиданно найденную фотографию, думаешь с недоумением: о чем это я говорил, чему улыбался. Самое обидное – это, конечно, забвение детских лет. Они, правда, забываются позже всего. Чем дольше человек живет, тем меньше помнит непосредственно прошедшие годы, а память детских и юношеских дней проступает все более ярко и подробно. Я, например, плохо помню, в каком году была в Москве страшная жара, когда гарь горящих в Подмоскovie лесов заволокла сизым туманом весь город – то ли в семидесятых, то ли в восьмидесятых, в каком году Хрущев стучал ботинком в ООН; но зато отчетливо помню, мне было пять лет, как мы, играя в прятки, спустились по веревке в глубокий засохший колодец. Помню ярко-зеленые водоросли, которыми обросли выложенные кольцами камни, гладкие и длинные как волосы, они свисали вниз, и верилось, что это волосы русалок, замурованных в этих камнях. И помню ту торжественную тишину, отдающую гулом в ушах. Эта картинка живет с тех пор во мне и является прообразом многих моих мыслей и настроений. Но когда и детские воспоминания тускнеют и расплываются, то жизнь превращается в монотонное и унылое повторение долго тянувшихся дней и месяцев.

Целые куски памяти отваливаются от сознания и, как корабли, ушедшие в плавание, растворяются в тумане. Забвение – неизбежный спутник памяти. Память без него, возможно, и не была бы памятью.

3. Когда нам хочется и забыть и помнить одновременно. Вернее, так забыть, чтобы помнить, чтобы забытое существовало как некий фон, на котором разворачиваются актуальные воспоминания, как атмосфера, которую мы не замечаем, но без которой не сможем дышать. Память часто предопределяет наше понимание, подсовывая готовые рецепты и схемы наших объяснений. О чем бы мы ни думали, над какой бы проблемой ни бились, наша память услужливо подсовывает нам готовые схему и стандартные решения, подобно тому, как поисковик компьютерной программы по первому слогу выкидывает десять вариантов разных слов. Мы хотим все помнить и одновременно мучаемся избыточностью и ненужностью многого из того, что накопила наша память.

Я должен пытаться настроить себя и жить так, как будто до меня ничего не было. Должен попытаться увидеть мир как будто впервые и поразиться увиденному. Ведь и действительно ничего не было, а то, что было – это не мое, мое – только принципиальная возможность вспомнить, в которой нет никаких рецептов и схем. Жить таким образом значит в известных пределах жить «неисторически».

Нужно, как писал М. Пруст, увидеть что-либо в «первом свете». Вся проблема состоит в том, что это увиденное в первом свете, мелькнув на какое-то мгновение, как разряд молнии, уходит, покрывается другими вещами, то есть срабатывает закон: «всегда уже поздно». Всегда уже поздно, всегда есть культура – совокупность ценностей и готовых решений, только оглянешься – и уже застыл в банальном облике с банальными мыслями. Оглянулся – и застыл, как жена Лота. И нужно быть очень живым и постоянно живым, чтобы успеть втиснуться в этот промежуток, пока есть свет, увидеть первым светом. В первом свете все живое. И все новое. «Еще на малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет», – говорится в Евангелии от Иоанна.

Увидеть мир первым светом – значит открыть его для себя, породить заново. Мир не длится автоматически, он должен каждый раз снова и снова кем-либо порождаться. Устойчиво только то, что порождено заново. Мир воспроизводится и длится, потому что воссоздается каждый раз в каждой точке. Но поскольку каждый раз мир творится заново, то это предполагает определенный метафизический закон – еще ничего не случилось, нет никакого «было», а есть только «есть».

Правда, благодаря способности использовать прошедшее для жизни и бывшее вновь превращать в историю, писал Ф. Ницше, человек делается человеком, но в избытке истории человек снова перестает быть человеком, а без упомянутой оболочки внеистори-

ческого он никогда бы не отважился начать человеческое существование.

Так, влюбленный чувствует себя слепым, все чужое кажется ему глухим шумом, лишенным всякого значения; многое он не может больше ценить и почти совсем не ощущает его: он спрашивает себя, неужели он так долго был рабом чужих слов, чужих мнений. Это самое несправедливое на свете состояние, ограниченное, неблагодарное к прошлому, слепое к опасностям, глухое к предупреждениям, маленький живой водоворот в мертвом море ночи и забвения; и все-таки это состояние, будучи глубоко неисторическим и антиисторическим, является лоном, порождающим всякое великое деяние, и ни один художник никогда не напишет своей картины, ни один полководец не одержит победы, ни один народ не завоюет свободы, если они в подобном внеисторическом состоянии предварительно не жаждали этой цели и не стремились к ней⁸.

Задача творческого человека – научиться забывать, не отвергать прошлое и себя, каковым был в прошлом, но забывать его. Без забывания невозможно никакое действие, немислима никакая жизнь; всякая органическая жизнь, считал Ницше, нуждается не только в свете, но и в темноте.

Таким образом, жить почти без воспоминаний, и даже счастливо жить без них, вполне возможно, как показывает пример животного; но совершенно и безусловно немислимо *жить* без возможности забвения вообще⁹.

Наука забывать предполагает предшествующую способность помнить, которая свойственна одному только человеку. Забвение очищает человеческую память, превращая ее из склада разных сведений, знаний, приемов, установок в постоянную внутреннюю собранность, принципиальную готовность адекватно реагировать на все, что происходит, случается с человеком.

Примечания

¹ Стародубцева Л. Мнемозина и Лета: Память и забвение в истории культуры. Харьков, 2003. С. 10.

² См.: Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 427.

- ³ Пруст М. Содом и Гоморра. М., 1993. С. 349.
- ⁴ Бунин И.А. Ночь // Бунин И.А. Собр. соч.: В 13 т. Т. 4. М., 2006. С. 112.
- ⁵ «Вот десятки лет отделяют меня от моего младенчества, детства. Бесконечная данность! Но стоит мне лишь немного подумать, как время начинает таять. Не раз испытал я нечто чудесное. Не раз случалось: вот я возвратился в те поля, где я был некогда ребенком, юношей, – и вдруг, взглянув кругом, чувствую, что долгих и многих лет, прожитых мной с тех пор, точно не было. Это совсем, совсем не воспоминание: нет, просто я опять прежний, совершенно прежний. Я опять в том же самом отношении к этим полям, к этому полевому воздуху, к этому русскому небу, в том же самом восприятии всего мира, какое было у меня вот здесь, на этом проселке, в дни моего детства, отрочества!» (Там же. С. 116.)
- ⁶ Чехов А.П. Студент // Чехов А.П. Собр. соч.: В 30 т. Т. 8. М., 1977. С. 309.
- ⁷ Борхес Х.Л. Память длиною в жизнь. [Электронный ресурс] URL: http://www.psyoffice.ru/8/psychology/book_o525_page_11.html (дата обращения: 12.10.2015).
- ⁸ См.: Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 165.
- ⁹ Там же. С. 162–163. «Забывание также является человеческой силой, присущей только человеку. Зверь не *волен забывать*, он просто довольствуется состоянием временного бессознательного. Человек же, напротив, и забывает, и помнит, и эта дихотомия является уникальной, человеческой; человеческое забывание отличается от животного, поскольку оно требует стереть следы памяти, которые разрешают человеку бесплодно тратить время, оставаясь в собственном прошлом» (Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002. С. 401).